

Северные цветы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С28

С28 Северные цветы / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 445 с.

ISBN 978-5-518-03063-3

ISBN 978-5-518-03063-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

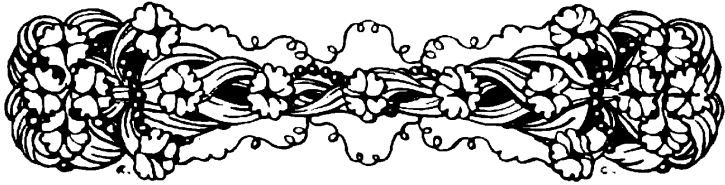
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РАЗСКАЗЫ

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ.

Неприятный лязгъ или шумъ около головы заставилъ меня вскочить и сѣсть на койкѣ. «Что такое? Да... Была буря, и мы не могли выйти въ море». Въ самомъ устьѣ Двины разыгрались такіе буруны, кипѣніе пѣны и брызгъ, сквозь которыя нельзя было прорваться въ могуче - колыхавшееся, но гораздо болѣе устойчивое и понятное море. Я дивился: «какъ по рѣкѣ нельзя идти въ бурю, а по морю можно?» Но мнѣ сказали, что я ничего не понимаю, и я покорно легъ спать, когда пароходъ бросалъ якорь передъ Динаминдомъ. Долго ли я спалъ, не знаю. Но слова наканунѣ, что въ морѣ полная буря, сдѣлали меня тревожнымъ и заботливымъ. Я поспѣшно натягивалъ носки, твердо запримѣтилъ спасательный поясъ на бичевкѣ, а другимъ глазомъ смотрѣлъ, какъ о стекла окна лязгали сѣрыя массы льдистой воды. «Мы идемъ? значить, мы идемъ», догадался я и еще болѣе заторопился.

Пароходъ шелъ безпокойно. Что то съ ужасной силой визжало позади его, полминуты, минуту и умолкало, и все приходило въ порядокъ: шумѣла только машина. Но это продолжалось опять не долѣе одной или двухъ минутъ и начинался снова мнѣ непонятный визгъ сзади,

совершенно заглушавшей машину. Мнѣ было понятно, что когда стучитъ машина — «хорошо», а когда визжитъ тамъ, сзади — «не хорошо». Ходъ машины въ пароходѣ какъ пульсъ: пульсъ нашего парохода былъ съ перебоемъ и это внушало мнѣ страхъ. Гораздо позднѣе я спросилъ, что это такое визжало сзади, и мнѣ объяснили, что корма парохода, отъ сильной килевой качки, поднимается совершенно надъ уровнемъ воды, винтъ обнажается, и вотъ, когда онъ обнажается, то лопасти его не встрѣчая сопротивленія воды, начинаютъ съ ужасающей быстротой, какъ волчекъ, вертѣться въ воздухѣ, и въ тоже время машина, не работая, стучитъ удѣсятеренно быстро. Корма опускается, винтъ погружается въ воду, получается сопротивленіе, медленно гребетъ и машина опять идетъ въ той правильности и регулярности, съ расчетомъ на которую построена. Значитъ, я не ошибся, думая: «не хорошо», потому что конечно «не хорошо», когда машина въ положеніи, не рассчитанномъ механикомъ.

На верху была паника, конечно отъ глупости человѣческой. Носъ, дѣйствительно, то чудовищно вздымался кверху, то падалъ внизъ, разсѣкая море и погружаясь въ хаосъ пѣны и брызгъ. Было во всякомъ случаѣ необыкновенно красиво. Я выбралъ среднюю линію, разсѣкавшую пароходъ пополамъ и усѣлся въ точкѣ, которая почти не качалась. Я сказалъ о глупости человѣческой. Дѣйствительно, я пошелъ предварительно отыскать прислугу, имѣвшую билетъ третьяго класса, и что же? Мужики, солдаты, здоровенные, забились подъ навѣсъ въ самый что ни на есть кончикъ носа, т. е. въ точку наибольшей качки и изливались въ рвотѣ, слезахъ, отчаяніи. «Смерть наша пришла». Я взялъ прислугу подъ руку и повелъ къ воздуху, говоря и другимъ, чтобы шли туда же. «Туда?» съ ужасомъ говорили солдаты, «гдѣ вѣтеръ и брызги? Мы и здѣсь чуть живы!» И они ползли, все въ уголъ, все дальше, въ острый треугольникъ носа, въ наивысшую качку. Я махнулъ рукой. «Гдѣ ихъ вы-

учить многопольной системѣ и травостѣянiю и орошенiю!» «Не тронь». «И такъ издыхаемъ».

Устроивъ прислугу въ точкѣ возможно меньшаго качанiя и давъ ей ѣсть, я завернулся самъ въ пледъ и сѣлъ, и наблюдалъ море. Море безъ бури — половина картины. Волны, дѣйствительно, были велики. Я видѣлъ по размѣрамъ и направленiю одной, что она обольетъ меня. Можно бы отскочить въ сторону, но она шла такъ быстро, что я очевидно не успѣлъ бы этого. Я только отвернулъ лицо и согнулся, какъ на молитвѣ. Съ ужаснымъ шумомъ покатилося что то по спинѣ, прокатилося дальше, разлетѣлось, и когда я выпрямился, то сказалъ: «хорошо». Дѣйствительно, въ силу горизонтальнаго движенiя воды, она васъ какъ то не мочить, ничего худого не дѣлаетъ, а только шелеститъ, скользитъ и вы обрызганы, какъ шѣтокъ, а не мокры, какъ мочалка. Бирюзовые, изумрудные, сѣрые, бѣлые клоки водной стихiи сверкали, ни секунды не спокойные, ни секунды не монотонные. Прекрасно. Восхитительно.

Только тутъ, погружаясь въ созерцательность и задумчивость, я сталъ припоминать страшный сонъ, мной увидѣнный. Читатель знаетъ такъ называемыя навязчивыя идеи, идеи и впечатлѣнiя иногда совершенно ничтожныя, даже глушыя, но которыя неизъяснимо почему навсегда завязаютъ въ мозгу (нельзя же сказать «въ душѣ»). Напримѣръ, почти двадцать лѣтъ назадъ одинъ молоденькiй учитель, съ претензiями на упрощенность, при словахъ моихъ за чаемъ «... Иоаннъ III, Иванъ III», сказалъ, мотнувъ носомъ кверху: «да, Иванъ. Такъ насъ училъ В. О. Ключевскiй», и носъ его такъ сморщился, что я навсегда запомнилъ и теперь, гдѣ бы не услышалъ и не прочелъ «Иоаннъ III, IV» и т. д., мысленно поправляю: «да, Иванъ», и вспомню характерный кивокъ головой этого учителя, и всю его фигуру, и весь его характеръ. Вѣчная идея. Вотъ это то я и называю вѣчными идеями, что какойнибудь клочъ дѣйствительности, но тащай за

собою другую огромную дѣйствительность, даже мало съ нимъ связанную, засѣдаетъ въ душѣ и никакъ вы отъ него не можете освободиться, привыкаете къ нему, такъсаете его за собою, какъ акула маленькую рыбку «прилипало - лощмана», какъ каплю гуммиарабика, на васъ случайно упавшую.

Къ числу такихъ прилипнувшихъ къ душѣ моей впечатлѣній относится одна сцена изъ «Призраковъ» Тургенева. Въ Призракахъ этихъ, кажется, что то летаетъ, что то видитъ, конечно призрачное и прекрасное, какъ непремѣнно у Тургенева, появляется «желѣзный Цезарь» и легионы. Но я все это забылъ, или у меня перепуталось въ головѣ, одинъ эпизодъ остался: какъ душа эта (душа Тургенева?) смотрѣла въ маленькое окно деревенской церкви. Что она тамъ увидѣла и для чего посмотрѣла — я тоже забылъ, и помнится мнѣ только одна ситуация чловѣка, смотрящаго въ окно церкви. Въ моемъ воображеніи, уже долготѣнемъ, ситуация эта нѣсколько оконкретилась, и подъ церковью я представляю всегда церковь Параскевы - Пятницы, что въ Москвѣ, противъ Охотныхъ рядовъ, если итти изъ университета въ направленіи къ Неглинному проѣзду. Тротуаръ проходить за самою церковью, и вотъ я студентомъ всегда проходилъ по этому тротуару и его запомнилъ, какъ нѣсколько болѣе темное и безсолнечное мѣсто, чѣмъ остальные мѣста улицы и площади. Помню, въ нѣкоторыя утра я встрѣчалъ тутъ прислугу съ провизіей: и вотъ всегда русская женщина остановится и положитъ что то въ церковную кружку. Придетъ домой и станетъ ее барыня бранить, что двѣ копейки кажется утянула на провизіи. И она промолчитъ, что не утянула, а положила ихъ на церковь.

Приснилось мнѣ глубокая, глубокая зима, какая то не мѣстная, а планетная. Полное безмолвіе и темъ, и пустыньность. Однако, сказать, что это умерла земля — нельзя было. Умерли какъ бы мои чувства въ отношеніи къ землѣ,

но чувства опять же одной опредѣленной категоріи и въ одномъ направленіи ползущія, и тотчасъ, какъ они погасли, мнѣ показалось, что и категорія земныхъ явленій, обнимаемыхъ этимъ чувствомъ, тоже исчезла. Но сама то земля другими своими категоріями жила, шумѣла, и даже пожалуй болѣе чѣмъ прежде. Но мнѣ то до этого шума не было дѣла и все направленіе моего ума сосредоточилось на одной точкѣ, «которой нѣтъ больше». Что то такое жалкое и темное и вмѣстѣ злое стояло въ моей душѣ. «Грустно. Но пускай будетъ еще грустнѣе, и когда будетъ совсѣмъ грустно, даже страшно: тогда то и будетъ великолѣпно». И вотъ мнѣ стало сниться, что я бреду, ненужный и среди ненужнаго. И такъ же бреду, какъ студентъ тогда, но только въ ночи, безлюдности, не по Москвѣ, но что то какъ будто и напоминающее вокругъ Москву, и опять этотъ уголь противъ рядовъ, но самыхъ рядовъ больше нѣтъ, а только этотъ тротуаръ, съ одной стороны стѣнка, а съ другой — рядъ оконъ церкви Параскевы - Пятницы. Но церковь уже ушла на аршинъ въ землю, такъ что окна и не около плеча, а скорѣй около пояса моего, и нужно наклониться, чтобы заглянуть въ нихъ.

Прерву на минуту, Въ снѣ этомъ, я думаю, сплелось много моихъ житейскихъ впечатлѣній. Напримѣръ, разъ я осматривалъ церковь Василия Блаженнаго. До тѣхъ поръ я бывалъ въ церкви когда служатъ, и всегда какъ молящійся и среди народа. Тогда церковь храмъ. Но когда изъ историко - археологическихъ интересовъ я вошелъ въ не служебный часть въ Василия Блаженнаго и сталъ осматривать крохотныя внутреннія церковки, на которыя она, какъ извѣстно, дѣлится, то я почувствовалъ необыкновенную ея свѣтскость, холодъ, неинтересность ни въ какомъ отношеніи, и, походивъ безъ благоговѣнія и съ недоумѣніемъ съ полчаса — вышелъ. «Что это? Не нужно! не нужно!» Тутъ то я впервые и понялъ, что церковь собственно есть богослуженіе; еще тѣснѣе: что церковь

есть молящійся народъ и священнослужители, *для него* служащіе. Еще яснѣе: отношеніе народа къ священнику и обратно — и есть храмъ Божій. Теперь добавлю уже для ученыхъ: весной этого (1901) года я осматривалъ многіе языческіе храмы: Аполлона въ Помпеяхъ, Сераписа на пути отъ Неаполя къ Байямъ, Венеры — около самыхъ Бай. И ничего не чувствовалъ. Но вѣдь чувствовать то можно отношеніе народа къ богослуженію, и когда въ Сераписѣ, Венерѣ, Аполлонѣ служенія нѣтъ, — то нельзя, даже научнымъ окомъ нельзя ничего и уловить въ нихъ, ни картинъ, ни сущности, просто ничего, груды кирпича: и это не потому, что Аполлонъ, Сераписъ, Венера — *ничего, нуль*, а потому, что нулевое и такъ сказать нигилистическое отношеніе къ нимъ у смотрящаго, а оно въ свою очередь и возникаетъ отъ того, что смотрящій смотритъ на предметъ въ *нулевой* его моментъ, каковымъ является всякій *внѣ-богослужебный* моментъ. То абсолютно свѣтское чувство, съ которымъ я, живой христіанинъ, осматривалъ внѣ-богослужебнаго Василия Блаженнаго; оно же, но не болѣе какъ только оно, есть и чувство археолога - историка, осматривающаго Серапеумъ близъ Бай и говорящаго: «ничего не понимаю! Ничего даже не вижу!! Чему молились эти болваны?!»

Да. Но вѣдь молитва есть молитва. И кто ее не выслушалъ, опустилъ вѣчное.

Я наклонился къ ярко свѣтившемуся въ темнотѣ ночи окну Параскевы-Пятницы. Вообще весь рядъ этихъ оконъ не только свѣтилъ, но сверкалъ, блисталъ свѣтомъ, и въ этомъ блистаніи было что то преднамѣренное, нарочное. Тутъ опять у меня вплелось старое воспоминаніе, какъ Хома - Бругъ, смертельно боясь, читая по упокойницѣ псалтырь, «ярко освѣтилъ всю церковь». Такъ сказано у Гоголя, и такъ приснилось мнѣ. Очевидно, изъ ящика свѣчнаго были взяты всѣ свѣчи, до послѣдней. Самый воздухъ черной отъ древности церкви казался сдѣлался свѣтящимся: до того много горѣло свѣчъ около

четыреугольныхъ тяжелыхъ колоннъ, на «канунѣ» (деревянный столъ съ поминальнями, куда за покойниковъ ставятъ свѣчи), но больше всего, конечно, передъ алтаремъ, въ подсвѣчникахъ и такъ просто, и не передъ однимъ нижнимъ рядомъ образовъ, но и передъ верхними ярусами. Потолокъ былъ очень-очень низкій; служили въ нижней церкви...

Я сказалъ «служили», но какая это была странная служба. Священникъ былъ одинъ въ церкви. Онъ былъ въ серебряной глазетовой ризѣ, сѣдой и высокой, сухой въ очеркѣ лица, но совершенно бодрый и очевидно до пронзительности ясный въ сознаниі. Черезъ двойныя рамы окна, конечно, я ничего не слышалъ и могъ только наблюдать службу. Истово, прямо, какъ бы ничего не замѣчая, судя по движенію губъ громко произнося возгласы, онъ отправлялъ полунощницу (всенощную), любимую мою службу въ православіи. Онъ входилъ въ алтарь и выходилъ; царскія двери то отворялись, то затворялись. И вотъ наступилъ любимѣйшій мой моментъ въ этой службѣ: «Хвалите имя Господне, хвалите рабы Его...», когда сонмъ священнослужителей начинаетъ двигаться по церкви, по всему ея пространству, чтобы кадить передъ образами святыхъ угодниковъ, а народъ падаетъ всѣмъ составомъ на колѣни. И въ эти минуты у молящагося особенно хорошо въ сердцѣ...

Священникъ и діаконъ вышли изъ алтаря и потекли по храму. Впереди шелъ діаконъ со свящею, толстой, особенной, діаконской. Это былъ невысокаго роста и среднихъ лѣтъ человекъ, одутловатость котораго переходила въ полноту. Видно, что онъ очень боялся и даже стѣснялся священника, но въ тоже время шелъ у него въ дисциплинѣ. Лицо у него было грустное и на этотъ разъ видно было, что онъ повиновался не охотно. Священникъ шелъ позади его съ кадиломъ, въ которомъ ярко горѣли угли и дымился ладонъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они останавливались, діаконъ что то пѣлъ, а священникъ ему

подпѣваль, и кадилъ и кланялся. Свѣтъ отъ большой свѣчи діакона кидался на образъ, и всякій разъ изъ подъ тяжелой ризы и драгоценныхъ камней я видѣлъ приблизительно одинъ и тотъ же ликъ, т. е. сонмы лицъ почти безъ вариации, темныхъ, строгихъ, недвижныхъ и глубоко старыхъ. Глаза были у всѣхъ маленькіе и острые, и они недвижно, каждый до своей очереди, ждали поклоненія. Конечно, это было такъ мнѣ видно изъ за окна и отъ того, что, не слыша службы, я какъ нибудь старался ее одухотворить и оживить.

Церковь однако была пуста и затворена. Да и не всеночная это была, а именно полунощница, ибо шелъ, очевидно поздній часъ сутокъ. Ни одного молящагося не было, какъ и у Василя Блаженнаго, когда я его осматривалъ. Но тамъ это было случайно, а здѣсь преднамѣренно, и какъ то вѣковѣчно и окончательно. Та пустыньность земли, о которой я выше упомянулъ, и отразилась въ моемъ сердцѣ собственно отъ пустынности одной этой церкви, ибо землю то я не очень замѣтилъ, а утроеннымъ, учетвереннымъ глазомъ смотрѣлъ внутрь церкви и ужасно томился... Но и опять это томленіе души было такое, что я хотѣлъ, чтобы оно еще смертельнѣе и смертельнѣе падало и сгущалось.

Священникъ дѣлалъ видъ, какъ будто онъ ничего не замѣчаетъ и беспокоился только наивный діаконъ. Священникъ же, кадя передъ образами, не оборачивался ни назадъ, ни по сторонамъ—совершенно, какъ Хома - Бругъ, читая псалтырь—и потому могъ сохранять наружность, что онъ вовсе не видитъ полного отсутствія молящихся въ храмѣ. Только очень слѣдя за губами, я замѣтилъ, что онъ творитъ возгласы гораздо громче обыкновеннаго; какъ и все «хвалите имя Господне» проходило особенно торжественно. Въ то же время, однако, было очевидно, что священникъ проходитъ всю службу со смертельнымъ страхомъ, гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ мелкое наружное беспокойство діакона. Какъ будто онъ зналъ тайну хра-